Е. В. Коротя

А. Н. БЕНУА О ПРИЧИНАХ СВОЕЙ ЭМИГРАЦИИ

Работа представлена кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор С. С. Минц

Статья посвящена причинам эмиграции знаменитого художника и историка искусства Александра Бенуа. В ней рассматриваются как внешние (связанные с повседневностью начала 1920-х гг.), так и зависящие от них внутренние обстоятельства, побудившие художника к этому шагу.

Ключевые слова: Александр Бенуа, эмиграция, советская повседневность 1920-х гг., идеологические рамки, политическая позиция.

The article is devoted to the reasons for emigration of the famous painter and art historian Alexander Benois. It touches upon the external circumstances of emigration (which depended on the daily routine of the early 1920s) and internal circumstances connected with them.

Key words: Alexander Benois, emigration, soviet daily routine of the 1920s, ideological limits, political position.

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), знаменитый художник и историк искусства, был очевидцем насыщенной событиями эпохи, а его писательский дар позволил ему донести до нас в яркой и увлекательной форме многое из того, чему А. Н. Бенуа был свидетель. Он всегда умел подмечать самые незначительные факты повседневной жизни. Именно они спустя восемьдесят лет приобретают но-

вое значение, а также дают возможность лучше понять как жизнь людей описываемой эпохи, так и самого автора.

В отличие от многих своих коллег и друзей после революции 1917 г. Александр Бенуа не уехал за границу, а остался в Петрограде. Он по-прежнему работал в театре в качестве режиссера и оформителя спектаклей, все так же рисовал акварели, посвященные родному городу. Он принимал активное участие в кампании по охране памятников культуры, а занимался музейной работой, возглавляя картинную галерею Эрмитажа. При этом А. Н. Бенуа неизменно отказывался от всех предлагаемых ему в этот период постов по той причине, что, в его представлениях, творчество и политика – вещи не совместимые. Но несмотря на то что талант А. Н. Бенуа оказался востребованным и в Советском государстве, в 1926 г. он эмигрировал во Францию, где и прожил остаток своей жизни до 1960 г. В данной работе ставится задача ответить на вопрос о причинах, побудивших его к этому шагу.

М. Г. Эткинд, автор двух крупных монографий о творчестве Александра Бенуа, назвал его эмиграцию «заблуждением запутавшегося интеллигента» [9, с. 127]. Однако доступные сейчас для исследования дневники и письма художника свидетельствуют, что проблема эта намного сложнее и многограннее. Опубликованная переписка А. Н. Бенуа с С. П. Дягилевым и М. В. Добужинским за период с 1921 по 1927 г., его дневники 1921, 1923 гг., а также находящаяся в Отделе рукописей Государственного Русского музея его переписка с Ф. Ф. Нотгафтом позволяют по-иному взглянуть на причины эмиграции художника в контексте сложной атмосферы в обществе в первой половине 1920-х гг.

А. Н. Бенуа всегда сторонился политики. Еще в годы первой русской революции он заявлял: «Скажу прямо – у меня нет никаких политических убеждений, и мне кажется, что историку и художнику трудно их иметь» [8, с. 449]. Он неизменно отвергал все попытки причислить его к какой бы то ни было партии или политической группировке и всегда стремился оставаться «просто художником» [2, с. 113]. Именно с такой позиции А. Н. Бенуа и воспринимал все происходящие в обществе перемены.

Свое отношение к переменам вообще А. Н. Бенуа выразил такой фразой: «Я по своей натуре консерватор: я считаю, что вещи должны оставаться, но оживляться, развиваться» [7, л. 28]. Революция же – это всегда разрушение. Многое из того, что было для А. Н. Бенуа привычным и неизменным, теперь исчезло вообще, появилось же много нового, зачастую пугающего. По дневникам А. Н. Бенуа легко можно проследить, что для него стало приметами того времени.

Первое – это страх арестов, который, судя по всему, сковал в то время петербургскую интеллигенцию. В 1921 г. аресту подверглись двое братьев А. Н. Бенуа – Леонтий и Михаил. Да и сам он жил с постоянной боязнью быть арестованным. «Бессонная ночь из-за непрестанного вслушивания, – записал он в дневнике 7 августа 1921 г. – <…> Все слышно, как щелкает щеколда калитки в воротах, как ходят по двору, и все кажется, вот явятся архаровцы… вот они направляются в наш этаж» [3, с. 47]. Со временем страх стал чем-то обыденным и превратился в чувство беспрестанной смутной тревоги. «Ныне я себя чувствую более усталым, разбитым и удрученным, нежели за все эти годы. Такое ощущение, точно что-то, нависло над головой», – писал А. Н. Бенуа уже в апреле 1923 г. [4, с. 67]. Боязнь открыто высказываться по близким ему вопросам искусства и культуры, опасаясь того, что люди, с которыми ты ведешь бе-

седу, окажутся провокаторами, беспрестанно преследовала Александра Бенуа. И он, будучи до революции бескомпромиссным критиком, не боявшимся высказываться по любым художественным вопросам, теперь был вынужден подбирать слова даже в беседах со знакомыми.

Такого же рода беспокойство вызывала и корреспонденция, которая, особенно посылаемая за границу, тщательно проверялась. В одном из писем в Париж А. Н. Бенуа писал по этому поводу: «Простейшая корреспонденция не может наладиться. Самые невинные вещи рискуют показаться кому-то подозрительными. Здесь все болезненно пуганные, да одна мысль, что кто-то будет рыться, доносить – отравляет радость общения» [1, с. 106].

Еще один признак эпохи, зафиксированный Александром Бенуа, – это страх голода, которому способствовали высокие цены на продукты. Кроме того, приметой обнищания страны, по его мнению, следует считать огромное количество нищих. «На улицах… появились нищие из интеллигентных людей в лохмотьях, с темными от голода лицами. Трамваи осаждаются непрерывным рядом всяких попрошаек. И опять на каждом углу по безногому мужику – бывшему солдату», – писал А. Н. Бенуа летом 1923 г. [4, с. 77].

Единственным утешением в зачастую просто невыносимой действительности для Александра Бенуа служил Эрмитаж. С необыкновенным усердием он компоновал новые выставки, искал по экспроприированным коллекциям достойные Эрмитажа шедевры. Но и здесь перед А. Н. Бенуа вставали постоянные препятствия совершенно разного рода: начиная с того, что в Эрмитаже отключали электричество за неуплату и заканчивая сложностями в развеске картин, а также постоянными угрозами распродаж эрмитажных ценностей со стороны Наркомпроса.

Следующий признак эпохи, на который указывал А. Н. Бенуа, – это общий кризис в художественной жизни России. «К сожалению, – отмечал он, – …интерес к искусству все падает, и в самом недалеком будущем ему, и сейчас еле прозябающему, абсолютно нечего будет делать» [4, с. 76]. А. Н. Бенуа был возмущен отношением новых властей к искусству, утверждая, что оно просто задушено «декретами, союзами… легкомыслием Луначарского и тупостью прочих доктринеров» [4, с. 85].

На фоне происходящих событий чувство разочарования в жизни все чаще стало посещать А. Н. Бенуа. Он искренне полагал, что современная ему христианская цивилизация вошла в стадию умирания. Причиной этого, по мнению А. Н. Бенуа, являются вовсе не большевики и советский строй. Они всего лишь одно из проявлений всего процесса. Главная же причина заключается в греховности всего человечества. «При чем тут большевики и их грехи, когда они наш общий, уже успевший застареть, но роковой, неизбежный грех» [4, с. 80]. Таким образом, в представлении А. Н. Бенуа, большевистский строй – это одновременно и последствие общекультурного кризиса, и наказание за грехи человечества.

Но даже с большевиками А. Н. Бенуа мог бы вполне ужиться (и в общем-то именно это он и пытался сделать еще с 1917 г.), если бы они давали ему возможность спокойно заниматься любимым делом. Существует мнение, что «Александр Бенуа, подобно Блоку, Белому и Брюсову, поддержал Октябрьскую революцию и с обычным своим усердием работал в качестве хранителя произведений изобразительного искусства в своем родном Петербурге» [7, с. 317]. Точнее было бы сказать, что А. Н. Бенуа пытался работать с обычным усердием. На его пути постоянно вставали препятствия бытового харак-

тера: приходилось заботиться о благосостоянии семьи, а также постоянно обходить препоны, чинимые правительством деятелям искусства (например, запрет рисовать на улицах Петрограда). Но самым трудным для Александра Бенуа было то, что от него неизменно требовали высказывать свою политическую позицию. Для него, человека, который всегда провозглашал, что не имеет никаких политических убеждений, подобное было невыносимо. Некоторое время он пытался жить по-старому, тщательно подбирая слова в разговорах со знакомыми, а также мужественно выдерживая беседы о современном искусстве с незнакомцами, представлявшимися художниками из провинции, но в действительности являвшимися агентами ОГПУ. Однако в СССР нельзя было жить вне политики. Почувствовав это, А. Н. Бенуа стал задумываться об эмиграции.

Впервые об отъезде Александр Бенуа стал размышлять еще после Февральской революции 1917 г. Но тогда подобные мысли носили случайный характер. В первой же половине 1920-х гг. размышления о том, чтобы уехать из России навсегда, стали постоянно звучать в его дневниках. Больше всего А. Н. Бенуа боялся навечно увязнуть в советской паутине. Мысль о том, что «время уходит и с ним последние шансы на то, чтобы выпутаться, чтобы снова зажить прежней, вольной жизнью… чтобы забыть все то, чем здесь за эти годы оброс», очень пугала его [4, с. 74].

Однако не менее пугающим казался А. Н. Бенуа и Запад. Он, много раз путешествовавший по Европе, знавший ее даже лучше, чем Россию в целом, вдруг испугался уехать туда навсегда. На это был ряд причин. Во-первых, Александр Бенуа боялся «явиться туда туристом, гостем» [4, с. 70]. Ему необходимо было ощутить, что там в нем нуждаются, что он поедет туда работать. Во-вторых, А. Н. Бенуа пугала перспектива встречи с русскими эмигрантами, бывшими коллегами и друзьями. Он боялся предстать в их глазах пособником большевиков. Этот страх подпитывался рассказами знакомых, ездивших за границу. Кроме того, Анна Карловна, жена художника, активно выступала против переезда в Европу, пропагандируя, по словам Александра Бенуа, «необходимость оставаться в родном гнезде» [4, с. 75]. Но все эти страхи не смогли перебороть в А. Н. Бенуа острого желания снова окунуться в бурную культурную жизнь Европы, и прежде всего ее центра – Парижа. С 1923 по 1926 г. он проводил больше времени во Франции, чем в России. Во время командировок он добился нового признания публики, снова сумел заняться любимым делом и в 1926 г. принял решение больше не возвращаться в СССР.

Во всех официальных биографиях А. Н. Бенуа именно 1926 г. считается датой его эмиграции. Но он сам еще долгие годы размышлял о возвращении домой в Россию: «Я *очень* замотался, *очень* устал. И именно *от усталости* не знаешь, на что решиться!» [5, л. 19об]. То, что решение остаться в Париже далось Александру Бенуа с огромным трудом, подтверждает его письмо Ф. Ф. Нотгафту. «Я могу сказать, – писал он, – что сейчас я отвоевал обратно все те позиции здесь, которые я было утратил. <…> И вот представьте теперь, когда я становлюсь здесь вполне своим человеком, меня начинает с невыносимой силой тянуть домой» [5, л. 12–12об]. Но тосковал А. Н. Бенуа, по всей видимости, не просто по родине, а по той родине, какой он знал ее раньше. За границей он скучал по *старой* России. Именно поэтому тоска по родине, отражающаяся в эпистолярном наследии Александра Бенуа заграничного периода, сочеталась у него с пониманием, что возвращение туда невозможно.

Источники показывают, что причины эмиграции Александра Николаевича Бенуа следует искать именно в переменах, произошедших в обществе в первой половине 1920-х гг. Это были как внешние причины, такие как страх арестов, неустроенность быта, голод, трудности в работе, так и внутренние. И дело было не в том, что А. Н. Бенуа был не согласен с режимом. Если поначалу он надеялся, что революционный период закончится и жизнь войдет в свое обычное русло, то со временем понял, что советское правительство намерено строить не только новое общество, но и новое искусство, втиснутое в идеологические рамки. Подобное искусство требовало от своих творцов политического самоопределения, т. е. как раз того, чему А. Н. Бенуа противился всю свою сознательную жизнь. В новой, советской России его искренние попытки оставаться просто художником были обречены на провал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Н. Бенуа и его адресаты. Переписка с С. П. Дягилевым (1893–1928). СПб.: Сад искусств, 2003. 128 с.

2. А. Н. Бенуа и его адресаты. Переписка с М. В. Добужинским (1903–1957). СПб.: Сад искусств, 2003. 302 с.

3. *Бенуа А.* <О Блоке.> Из дневниковых записей августа 1921 г. // Звезда. 2005. № 8. С. 47–51.

4. «Во мне, несомненно, сидит… форменный архивариус». Из дневника А. Н. Бенуа (1923 г.) // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 56–94.

5. Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее – ОР ГРМ). Ф. 117. Ед. хр. 17.

6. ОР ГРМ. Ф. 137. Ед. хр. 2025.

7. *Пайман А.* История русского символизма. М.: Республика, 2000. 415 с.

8. *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников. М.: Искусство, 1979. 624 с.

9. *Эткинд М. Г.* Александр Николаевич Бенуа. 1870–1960. М.; Л.: Искусство, 1965. 216 с.